

Манипулятивные стратегии дискурса ненависти

С.А. Колосов

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые речевые стратегии, используемые в дискурсе ненависти с целью манипуляции сознанием реципиента. Материалом для анализа послужили шесть статей, опубликованных на Интернет сайтах «Движения против нелегальной иммиграции» и газеты «Русский Восток». Некоторые тексты изначально были опубликованы в других печатных и электронных изданиях («АиФ», «Консерватор», «Завтра», www.mn.ru).

Сразу оговоримся, что для нас объектом исследования является не отношение к определенным дискриминируемым группам и не оценка предубеждений против них как таковая, а языковые средства их формирования и реализации.

В первую очередь, нас интересовали стратегии, связанные с презентацией субъектов и объектов дискурса ненависти, а также аргументативные и оправдательные стратегии. В данном случае в роли субъектов коммуникации выступают продуценты и реципиенты текстовых сообщений, то есть активные участники коммуникативного процесса. Объектом, в свою очередь, является та социальная группа, против которой направлен дискурс.

Любой дискурс ненависти основывается на противопоставлении групповых субъектов «мы» и «они», которые в свою очередь относятся к универсальным концептуальным оппозициям типа «я-ты», «свой-чужой», «друг-враг» [Бакумова 2001; Бенвенист 1974; Романов 2002; Сахно 1991 и др.]. Эти оппозиции необходимы для самоидентификации индивида в обществе. При этом индивид предстает как некая автономная целостная единица (в противопоставлениях *я – ты, я – другие, свой - чужой*), но в то же время и как часть определенной группы в оппозиции к другим социальным образованиям (*мы – они, наши - чужие*). Основанием для объединения людей в группы, общности и противопоставления остальным могут быть национальный признак, вероисповедание, приверженность той или иной идеологии, социальное положение, профессиональные и другие интересы.

Однако «мы» невозможно без «других». Как замечает Р. Водак, «в высказываниях о других всегда выявляется, что же представляем собой мы сами, поэтому дискурсы о «чужих» или «враждебных» группах являются зеркалом нашего самосознания. Дискурс о других, следовательно, касается собственной идентичности, то есть вопроса: как мы воспринимаем самих себя, как мы описываем самих себя? Формирование национальной идентичности есть процесс дифференциации, описания собственной группы и отделения ее от других. И где же, в конце концов, это может проявиться с наибольшей очевидностью, как ни в общении с другими, в высказываниях о них и во взаимодействии с ними, то есть как ни в дискурсе?» [Водак 1997: 86].

Противопоставление субъектов предполагает различия между ними, которые преподносятся как непреодолимые и обязательно влекущие за собой конфликт и нетерпимость групп друг к другу. Так, например, расистский дискурс, будучи разновидностью дискурса ненависти, «преувеличивает различия во внешности или культуре «своих» и «чужих» и постоянно объясняет и устанавливает границы, кто включен в понятие «мы», а кто нет (в данном регионе, стране, городе или в его окрестностях). Он сравнивает также «их» нормы и ценности с «нашими» в выгодном для «нас» свете, он «волнуется» только о «наших» ресурсах (территории, доходе, жилье, рабочих местах, культуре и пр.). А еще дальше внимание сосредоточивается на том, что же «они» делают не так, а «мы» так, и как «нашим» интересам угрожают «чужие»» [ван Дейк 2000: 59].

В этой связи представляется необходимым рассмотреть средства номинации субъектов и объектов в исследуемом материале. Достаточно показателен, на наш взгляд, тот факт, что набор лексических единиц, используемых по отношению к дискриминируемой группе (нелегальные иммигранты), намного богаче в тематическом и эмоциональном плане, чем в отношении МЫ-группы. Список номинативных обозначений ОНИ-группы включает в себя следующие единицы: *инородцы, незваные гости, чужие, пришельцы, нелегалы, черные, южане, лица кавказской национальности, незаконные (им)мигранты, инокультурные иностранцы, инородцы, меньшинство, нерусские, беженцы, приезжие, переселенцы, выходцы (с гор), диаспора, землячество*. Мы оставили за пределами списка конкретные этнонимы, встречающиеся в текстах статей (азербайджанцы, чеченцы, вьетнамцы, украинцы, турки-месхетинцы). Нетрудно заметить, что с точки зрения эмоциональной заряженности выше перечисленные наименования могут быть ранжированы от относительно нейтральных (приезжие, меньшинство, нерусские) до единиц с явно выраженными негативными коннотациями (инородцы, незваные гости, нелегалы, чужие) и откровенно оскорбительных (черные).

Статистический анализ показывает, что в количественном отношении преобладают следующие единицы: (незваные) гости (5), лица кавказской национальности (4), диаспора/землячество (3), инородцы/иностранцы (3). Цифры в скобках указывают частотность употребления единиц в отобранном корпусе текстов. Повторные употребления одной единицы в пределах одной статьи нами не учитывались. Указанные данные позволяют сделать два довольно интересных наблюдения. Во-первых, при обозначении дискриминируемой группы рекуррентно воспроизводится метафора, базирующаяся на оппозиции «хозяйин-

гость». При этом гость – незванный, приносящий серьезные проблемы и причиняющий массу неудобств:

а) Кроме того, что нелегалы отнимают рабочие места у москвичей, они еще причиняют значительный материальный ущерб бюджету страны и города. [2]

б) Говоря о незаконной миграции, мы имеем ввиду прежде всего проблему рабочих мест и растущее давление нелегальной рабочей силы на российский рынок труда. [1]

в) [Они] Ездят на наших старых «Жигулях» и живут в наших непрестижных пятиэтажках и малогабаритных «панелях». [5]

Более того, гости представляют угрозу безопасности и благосостоянию нации, ибо большинство из них совершает противозаконные действия:

а) А между тем деньги через руки нелегалов идут немалые: в минувшем году иностранцы приобрели в обменных пунктах и сняли с валютных счетов 8 млрд долларов. Вокруг этого немалого теневого капитала расцветает этническая преступность: наркобизнесом обычно занимаются выходцы из Анголы, Конго, Таджикистана, проституцией – из Украины и Молдавии, кражами – из Грузии, вооруженными нападениями – с Северного Кавказа. [2]

б) Сегодня нас убивают не потому, что нас не любят, а потому что чувствуют наше безволие, бессилие, национальную разобщенность. [6]

Следует признать, что утверждения из первого примера содержат известную долю истины и никто, наверное, не будет оспаривать тот факт, что среди названных этнически маркированных групп населения существует преступный контингент. Однако вызывает возражения сама форма презентации данных утверждений. Последние представляют собой ни что иное как озвученные националистические стереотипы. Под социальным стереотипом обычно понимается стандартизованный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно-определенный образ. Формула стереотипа уже давно известна: *Все азербайджанцы, негры, гомосексуалисты есть..... и всегда ведут себя неправильным и опасным для нас образом.* В основе производства социального стереотипа лежит психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации данных опыта. Для социальных стереотипов как регуляторов социальных отношений характерна поляризация качеств субъекта и объекта, а также жесткая фиксированность такой полярной дихотомии.

Возвращаясь к приведенным примерам, заметим, что у реципиента может возникнуть соблазн принять эти утверждения как некую абсолютную истину, так как такая версия реальности очень удобна, ибо есть на кого свалить все невзгоды и несчастья. Таким образом реализуется стратегия нахождения «козла отпущения»: во всем виноваты только они. Следовательно, и ненавидеть надо тех, на кого легче всего свалить вину, то есть на того, кто здесь чужой, а значит – враг.

Второй момент, обращающий на себя внимание, это то, что преступность в стране приобретает ярко выраженный этнический признак. При этом атрибут «этническая» иногда опускается, как бы подразумеваясь. Такой ход, возможно, не случаен, ибо косвенно способствует реализации стратегии нахождения «козла отпущения». Более того, у преступности есть конкретное лицо – лицо

кавказской национальности. Отсюда не случайно в дискурсе появляются подобные высказывания:

И после этого кто-то станет утверждать, что у преступности нет национальности, когда чуть ли не каждый второй азербайджанец в России - преступник.... Это уже беспредел. «Черный» беспредел распоясавшихся иностранцев, почувствовавших свою безнаказанность, свою вседозволенность, свою власть над нами. [6]

Квазиэтномим «лицо кавказской национальности» используется в обобщающем смысле: зачастую не проводится дифференциация между представителями «кавказских» национальностей, и они все очевидно попадают под категорию «гости». Это также дает возможность для манипуляций в стратегиях презентации. Очень легко и удобно, что называется, грести всех под одну гребенку, и тем самым манипулировать сознанием простых обывателей, упрощая реальность и навязывая им ложные стереотипы и мнения. Например, не придаётся какого-то либо значения тому факту, что чеченцы являются гражданами России, а азербайджанцы – жители другого государства. Тем не менее, номинации «лицо кавказской национальности» и «гости с юга» одинаково применяются к обеим группам. В этом случае происходит смещение в координатах точки зрения на ситуацию. Социальная реальность описывается и объясняется уже не с позиции правовых норм и отношений, а с позиции субъективного отношения «желаю – не желаю принимать/видеть». В результате имеем следующую картину: дагестанцы и чеченцы, которые тоже являются гражданами России на том основании, что и Дагестан, и Чечня являются частями Российской Федерации, оказываются пришельцами, незваными гостями в столице их родины. Именно здесь берут свое начало националистические идеи. Тот факт, что многие русские граждане России считают жителей Чечни и Дагестана иностранцами и гражданами других государств, свидетельствует о высоком манипулятивном потенциале и эффективности данной стратегии.

Средства номинации МЫ-группы несравнимо менее разнообразны и экспрессивны. В анализируемых текстах были обнаружены следующие единицы наименования: *хозяйева (2), коренное/местное население (4), титульная нация (1), русские (2)*. Это дает возможность сделать вывод о том, что ОНИ-группа является более маркированной, чем МЫ-группа.

Среди манипулятивных стратегий, связанных с презентацией МЫ-группы, нами выделена стратегия использования так называемого инклюзивного «мы». Такой прием идентификации субъектов коммуникации в большой степени характерен для суггестивного политического дискурса [Юданова 2004]. При этом границы референтной группы оказываются подвижными, то есть возможно ее произвольное расширение и сужение в зависимости от дискурсивно устанавливаемых отношений между субъектами коммуникации – продуцентом и реципиентом текста. (Подобное явление можно наблюдать и в англоязычном политическом дискурсе [Колосов 2003]). Возможны следующие варианты:

а) «мы» подразумевает граждан Российской Федерации. В этом случае оба субъекта входят в одну и ту же группу с точки зрения государственно-правовых отношений: *Мы разные. [1]*

б) «мы» подразумевает только русское население. Субъекты также объединяются в одну группу, но уже на основе признака этнической идентичности: *И раз они нас окружают, нужно с этим что-то делать.* [5]

в) «мы» – представители определенной политической партии или движения: *Почему мы, патриоты, обращаем свои надежды на провинцию, «глубинку», молчаливо соглашаясь с потерей Москвы?* [3]

Анализ отобранного материала показывает, что в исследуемых текстах МЫ-группа в подавляющем большинстве случаев представлена во втором значении (уровень «б»). Как можно заметить, если подниматься по данной схеме снизу вверх (от уровня «в» к уровню «а»), то каждый последующий элемент включает в себя предыдущий. Предполагается, что члены определенных политических организаций, позиции которых выражаются в текстах СМИ, обязательно являются представителями титульной нации, то есть русскими. В свою очередь этническая группа «русские» как титульная нация по определению входит в состав более широкой категории – граждане России. Эти включения очевидны, логичны и не вызывают каких бы то ни было возражений. Однако, с точки зрения рассмотрения манипулятивных стратегий, представляют интерес случаи квазиэквивалентности последних двух значений «мы». Под квазиэквивалентностью в данном случае мы понимаем намеренное использование «мы», при котором ставится знак равенства между двумя группами. Тем самым идеи и суждения, транслируемые автором текста, автоматически приписываются реципиенту – дискурс продуцента становится (может стать) и дискурсом реципиента. Проследим на конкретном примере переходы подобного рода:

а) Почему мы, патриоты, обращаем свои надежды на провинцию, «глубинку», молчаливо соглашаясь с потерей Москвы? >> Но если бы Москву потеряла только оппозиция! Ее теряют все русские люди!

б) Что делать русскому патриоту каждый день? >> Я тоже надеюсь на приход к власти патриотов, на победу русского народа, но одновременно предлагаю..... [3]

Интересно отметить, что в данном контексте слово «патриот(ы)» употреблено в двойном смысле. В первом случае (а) очевидно, что речь идет о национал-патриотическом движении. Подтверждение этому находим далее в тексте:

Да у нас в самой далекой деревеньке есть люди, которые бесплатно обойдут все дома, изложат нашу патриотическую точку зрения. Деревеньки будут наши. Но у нас нет политических технологий для завоевания огромного московского мегаполиса, мы молчаливо сдали Москву – это вызывает бурную радость демократов, которую они не могут скрыть. [3]

Однако во втором случае (б) слово «патриот» может быть проинтерпретировано и в значении «человек, проникнутый любовью и преданностью к своему отечеству». Таким образом, суггестируется идея, что каждый россиянин, обеспокоенный судьбой отчизны, не может не разделять взглядов и убеждений национал-патриотического движения. Подобные языковые игры способствуют конструированию смысла, который, на наш взгляд, является ключевым в националистическом дискурсе: «Если мы любим свой народ, мы, естественно, ненавидим его врагов».

Приведем еще один пример, иллюстрирующий использование инклюзивного «мы» в целях манипуляции. Одна из анализируемых статей имеет заголовок «Почему мы не любим лиц кавказской национальности?» [5] Здесь, как видно, «мы» – всеобъемлюще: это и я, и мой сосед, и вся страна в целом. Созданный коммуникативный эффект заключается в выражении и передаче чувства сопричастности. Тем самым изначально задается установка на то, что определенная социальная группа (в данном случае выходцы с Кавказа) является объектом всеобщей ненависти. А, как известно, человеку свойственно доверять общественному мнению. Люди редко задумываются и подвергают критическому анализу мнения и суждения, разделяемые (как им кажется) большинством. Раз все так думают, значит, так оно и есть.

Мы не зря сделали оговорку «как им кажется», ибо общественное мнение как социальный феномен конструируется определенными элитами, которые, по меткому выражению Р. Водак, «объясняют нам мир» [Водак 1997: 86]. К этим элитам, в первую очередь, относятся средства массовой информации. Последние поставляют воспринимающей аудитории информацию об объектах социальной действительности в нужной идеологической упаковке, которая закрепляет существующие мифы или порождает новые. В политической лингвистике миф определяется как «объективная, реальная, образная, символическая вербальная сущность, эмоционально «проживаемая» и творчески закрепленная в дискурсном (текстовом) образовании» [Романов 2002: 119]. А.А. Дерябин в статье «Средства массовой интерпретации или мыльная опера для мужчин» иронично замечает, что «безопасней для медиа и правдивее для аудитории было бы говорить о СМИ как о «Средствах Массовой Интерпретации» – еще одна расшифровка аббревиатуры, в отличие от «И» – «иллюзионистики» более нейтральная и не утверждающая задним числом существование «объективной» реальности вне головы телезрителя» [Дерябин: www].

Форма подачи (риторические стратегии) играет немаловажную роль. Как известно, заголовок текста СМИ является доминантой, репрезентирующей основную идею сообщения [Корытная 1996; Калюта 2000]. Формулируя вопрос таким образом, как он сформулирован в вышеприведенном примере [5], автор вводит пресуппозицию «Мы ненавидим лиц кавказской национальности». Следовательно, весь дальнейший текст должен представлять (и реально представляет) собой аргументацию, объяснение существующего положения дел и, в конечном счете, легитимацию этого чувства.

Следующая отмеченная нами стратегия относится к группе стратегий, направленных на оправдание ненависти. Она заключается в смене источника говорения: в тексте появляются вкрапления повседневного дискурса, который зачастую можно услышать в общественных местах, бытовых разговорах. На графическом уровне это легко прослеживается благодаря использованию кавычек – традиционных маркеров цитирования. Например:

а) *Москвичи явно недовольны тем, что «черные все заполонили».* [2]

б) *А сейчас «выходцы с гор» москвичей просто «достали».* [5]

Таким образом воспроизводится концепт «глас народа». Прагматический эффект данной стратегии, по нашему мнению, заключается в снятии (хотя бы формально) автором с себя ответственности за дискриминирующие и оскорбительные формулировки. Реципиентом подобные высказывания уже не воспри-

нимаются как клевета или явное выражение предвзятой позиции автора текста, так как они ему (реципиенту) скорее всего знакомы (межличностная коммуникация, надписи на заборах, СМИ) или же совпадают с его собственной точкой зрения. К тому же, они легко вписываются в контекст «объективной» информации, предоставляемой социологами, центрами опросов общественного мнения, комитетов статистики, ссылки на которые часто встречаются в текстах данного типа:

Столицу, по прогнозам московских ученых, к 2050 году заселят чеченцы и ингуши. Их с учетом официальной статистики рождаемости и притока в столицу может стать не менее 44 процента от всех жителей города. [6]

При этом официальные данные в большинстве случаев считаются заниженными, поэтому параллельно приводятся данные неофициальной статистики, которая, как предполагается, отражает реальное положение вещей:

а) Официальные цифры о количестве чеченцев по регионам, как правило, занижены. [6]

б) На заседании Совета безопасности РФ в октябре 2001 г. было констатировано, что проблемы незаконной иммиграции достигли масштаба угрозы национальной безопасности. К сожалению, за констатацией до сих пор не последовало сколь-нибудь ощутимых последствий. Количество незаконных иммигрантов в России, по разным оценкам, составляет от 3 до 35 млн. человек.... Откуда берутся оптимистические оценки в 3-4 млн., понять значительно сложнее. [1]

в) Неофициальная статистика говорит о том, что, как только в какой-то дом переезжает больше 5-7 кавказских семей, москвичи начинают подыскивать другое жилье... Официальная статистика же показывает рост толерантности на 10%. Как тут не возмутиться и не показать - кто в доме хозяин». [5]

Обращают на себя внимание такие формулировки, как «неофициальная статистика», «по разным оценкам», «по некоторым данным». Указание на неопределенный источник информации также имеет целью переключивание ответственности на неких гипотетических лиц, с которых никакого спроса нет и быть не может. Однако рискнем предположить, что по силе воздействия на адресата такой прием является более эффективным, так как в контексте сложившихся особенностей российской действительности большая часть населения склонна доверять скорее неофициальным цифрам, чем тем, которые озвучивают власти. Вообще же, как отмечает Р. Водак, «рационализация, то есть оправдание предубеждений различными «объективными основаниями» или цифрами, – часто используемая техника для передачи языковыми средствами предубежденных и ненавистнических установок по отношению к иностранцам» [Водак 1997: 105].

Изначально причина конфликта и противостояния видится авторами текстов, в первую очередь, в этнических и культурных различиях групп. На это прямо указывают следующие номинации, часто встречающиеся в анализируемых статьях: «межнациональные отношения», «межнациональная напряженность», «этнический конфликт», «этническая вражда», «этническая нетерпимость». Однако затем конфликт неизменно переносится в экономическую, политическую

и социальные плоскости (см. примеры выше). Различия преподносятся как нечто само собой разумеющееся и естественное. Следующие лексические единицы довольно часто используются для аргументации этого и других тезисов: *очевидно, явно, разумеется, естественно, мы уверены, мы отчетливо понимаем*. Заметно реже встречаются такие формы выражения точки зрения и мнения как «я думаю» или «на мой взгляд». Как утверждают А.Н. Баранов и В.М. Сергеев, «лексические значения многих слов, даже не будучи узко ориентированы на аргументативный диалог, далеко не безразличны к аргументативным смыслам» (Цит. По [Гавенко 2001]). Приведем несколько примеров:

а) *«Мы разные. И не можем не осознавать этого. Ксенофобия – естественное человеческое чувство. Столь же естественное, как и любопытство».* [1]

б) *«На уровне социальных, культурных и идеологических групп эти утверждения очевидны и не оспариваются никем».* [1]

в) *«Москвичи явно недовольны тем, что «черные все заполонили»».* [2]

г) *«Для тех, кто живет в Москве, стремительное ее заселение инородцами – очевидно».* [3]

д) *«Предлагая такие меры, мы отчетливо понимаем, что некоторые из них будут носить достаточно жесткий, в чем-то непопулярный характер. Но мы уверены, что без такого рода мер нельзя «расширить», развязать сложные узлы нарастающих противоречий».* [4]

Использование указанной лексики способствует настраиванию реципиента на некритическое восприятие подаваемого материала. Предполагается, что подобные утверждения являются собой некие безусловные истины, в которых мало кому придет в голову усомниться. В результате создается впечатление объективно-обоснованной оценки фактов и событий реальности.

Подводя некоторые итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы. Чувство ненависти в рассматриваемых текстах преподносится как совершенно естественное и оправданное чувство по отношению к какой-либо группе. Манипулятивные стратегии (метафорические формы номинации МЫ- и ОНИ-групп, стереотипизация дискурса, стратегия нахождения «козла отпущения», сужение или расширение семантических значений слов-концептов, игнорирование фактов и объективных данных, смена источника говорения, использование лексики с имплицитным аргументативным значением) выполняют две основные функции: 1) дискурсивное конструирование ненависти (через актуализацию метасмысла «ненависть»); 2) легализацию (нормализацию) чувства ненависти.

Литература

Бакумова Е. В. Речевые маркеры социально-политической идентификации // Языковая личность: проблемы когнитивности и коммуникации. Волгоград, 2001. С. 236-241.

Бенвенист Э. О. О субъективности в языке // Общая лингвистика. М., 1974. С. 292-300.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.

Гавенко С. В. Анализ аргументативного эффекта оценочной семантики в естественном языке // http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_8.htm

Дерябин А. А. Средства массовой интерпретации или мыльная опера для мужчин // <http://www.russ.ru/journal/media/98-07-16/dergab.htm>

Калюта А. М. Заголовок как индикатор речевого поведения // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск, 2000. Вып. 2. С.157-163.

Колосов С. А. О риторике и прагматике дискурса ненависти // Лингвистика и филологическая герменевтика. Тверь, 2003. С. 60-65.

Корытная М. Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 1996.

Романов А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. Москва; Тверь, 2002.

Сахно С. Л. «Свое-чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 95-101.

Юданова Е. Т. Суггестивная функция языковых средств англоязычного политического дискурса: Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2004.

Анализируемые публикации

Материалы сайта «Движения против нелегальной иммиграции» (<http://www.dpni.org/>).

1. Миграция как угроза национальной безопасности. (газета «Консерватор»).
2. Россия вымирает (газета «Консерватор»).
3. В. Антонов. Москва –нерусская (газета «Завтра»).
4. А. Казаков. Меры жесткие, но законные (<http://www.mn.ru>).
5. Почему мы не любим лиц кавказской национальности? (АиФ).

Электронная версия газеты «Русский Востокъ» (<http://rus-vost.irk.ru>).

6. И. Миронов. Кому выгодно нашествие иноплеменных.